

ЕЛЕНА ВЕТРЕНКО
Вильнюсский университет

Предания об озерах в литовском и болгарском фольклоре

Изучению литовских преданий об озерах посвящена диссертация Б. Кербелите, одна часть которой посвящена странствующим озерам (лит. *keliaujantys ežerai*), [1965]; в каталоге литовских народных преданий цикла о странствующих озерах посвящен специальный раздел [Kerbelytė 1973], а соответствующие тексты опубликованы в книге [Kerbelytė 1970]. Таким образом, данный цикл в литовской фольклористике является хорошо изученным.

Анализ сборников болгарского фольклора показывает, что предания об озерах известны также и болгарам, однако в работах, посвященных описанию особенностей болгарского фольклора, они специально не рассматриваются, см. [Романска 1963]. Приводимые далее болгарские материалы систематизированы нами.

Сопоставительное изучение болгарских и литовских текстов позволило выявить в них четыре общих мотива, в двух из них принимают участие одни и те же главные герои, а именно — *дьявол и бог*. Например, литовское озеро *Кяушялис* образовалось в результате деятельности дьявола, который *мерил* озера *Dirdai* и *Čircys*, чтобы узнать в каком озере больше воды. *Когда он нес ведро с водой из озера, прокукарекал петух и ведро выпало из его рук*, таким образом образовалось маленькое озеро, которое и до наших дней называют *Kiaušelis*, т.е. яичко [Kerbelytė 1983, 57]. Болгарское Преспанское озеро тоже является результатом деятельности дьяволов: *“Дяволите умишлено затнале местото низ кое водата си течела под планината до Охридско езеро... Водата немајки каде да истекува, ја потопила телата околина”* [СНУ XIV, 55].

Такую же общность обнаруживаем в литовских и в болгарских вариантах текстов преданий об озерах с участием бога: за нарушение заповедей он наказывает людей, насылая водные стихии, и в резуль-

тате появляются озера. В литовском варианте такое наказание толкуется как справедливое; например, в одном из преданий говорится: *“žmonės sako, kad Dievas užpykęs ėmė ir perkėlė ežerą iš vietos į vietą, norėdamas nubausti tuos žmonės, kurie dirba per pamaldas, kada visi žmonės privalo melstis”* (‘люди говорят, что бог, разозлившись, взял и перенес озеро с места на место, желая наказать тех людей, которые работают во время молитв, когда все люди должны молиться’) [Vėlius 1995, 79]. В болгарском варианте рассказывается, что владелец стада, который по преданию был *попом*, убивает пастуха за то, что он перерезал все его стадо: *“Наказанието било много жестоко. Бог се разсърдил и зарад попа наказал цялата местност. Широкоото отвърстие, през което попреди свободно минавала водата, сега се стеснило. Водата се навирила и потопила сичката околност”* [Вековно наследство 1978, 527].

Третий общий мотив, обнаруженный и выделенный нами — это представления об озерах, *соединенные между собой под землей*. И в литовских, и в болгарских вариантах преданий люди, чтобы удостовериться в этом, *бросают что-либо в одно озеро, а после ловят то, что кинули, в другом*. Например, *“Dusios ir Daugų ežeriai susieina. Pagavo lydeką labai didelę, pririšo skambutį ir paleido. Paskui tą lydeką pagavo Daugų ežere su tuo skambučiu; Dusioj paleido, o pagavo Daugų ežere”* (‘Озера *Dusia* и *Daugai* соединены между собой. (Люди) поймали большую щуку, привязали колокольчик и отпустили. Потом эту щуку с колокольчиком поймали в озере *Daugai*; отпустили в *Dusia*, а поймали в *Daugai*’) [Vėlius 1995, 79]. В болгарских вариантах преданий люди вначале случайно обнаруживают, что озера соединены между собой под землей, а потом, чтобы удостовериться в этом, *закалывают овец и кидают их в одно озеро, а ловят в другом* [БНТ XI, 523]. В некоторых болгарских преданиях этот сюжет сочетается с упомянутым выше сюжетом о божьем наказании в одних и тех же текстах.

Четвертый общий мотив рассматриваемых преданий — это антропоморфические представления об озерах. Здесь необходимо отметить, что если в литовских преданиях об озерах этот мотив достаточно развит и популярен, о чем свидетельствует немалое количество его вариантов, то в болгарских преданиях, судя по имеющимся материалам, он встречается редко. При этом антропоморфности озер в болгарских текстах обычно уделяется не основное внимание, а лишь присоединяют этот мотив к основному сюжету — описанию познавательной деятельности человека. В этих преданиях основным героем является человек, который, например, *пытается измерить глу-*

бину озера, а озеро — второстепенный герой — показывает свое недовольство этим, пугает его и выбрасывает на берег [СНУ XIV, 120]. В литовских вариантах также зафиксирован похожий мотив: *озеро обижается, что люди постоянно ловят в нем рыбу и мутят воду, и оно уходит в надежде найти более благородных людей* [Kerbelytė 1983, 83]. Причем в литовском фольклоре, в отличие от болгарского, основное внимание уделяется описанию чувств, которые испытывают озера. Вообще, группа литовских преданий об озерах-живых существах, очень интересна и исключительно экспрессивна. Большое внимание в них уделяется не отношениям между озерами и людьми, а передаче лирических переживаний озер: подчеркиваются, например, чувства родственных связей одних озер с другими, их желание соединиться (или наоборот — разойтись), выражение которых сопровождается вздохами, ревом и т.д. [Kerbelytė 1983, 70].

Все перечисленные выше мотивы литовских и болгарских преданий об озерах можно было бы считать случайными совпадениями, однако анализ функций животных, живущих, согласно этим преданиям, в озерах, заставляет предположить обратное.

Из одних болгарских преданий об озерах мы узнаем о существе — *черном быке, который выходит из озера и оплодотворяет овец, пасущихся у берега озера*. В другой группе преданий описывается существо, называемое *водным быком* или *морским животным — ламя, которое выходит из воды и убивает сельских быков. Если люди убивают это существо, то озеро исчезает* [Динеков 1983, 119–121; СНУ XIV, 127–128].

Согласно А. Стойневу, хранителем рода, дома или села у болгарских славян является *хозяин* или *наместник* [1988, 79]. Он выступает обычно в двух ипостасях — либо *духа*, либо *змеи*. Функция *хозяина-змеи* состоит в том, чтобы охранять такие природные объекты, как озера, источники, большие деревья. Кроме змеи, функции *хозяина* могут выполнять и другие животные, встречающиеся в различных зооморфных ипостасях, и что важно для наших целей — в виде *черного быка* или *водного быка* [там же]. Что касается *ламы*, тоже живущей в озерах, то народные представления о ней связаны с циклом преданий о змее. Так, *ламя происходит от змеи, которой отсекали голову и насадили на рог буйвола или вола, спустя 40 дней голова и рог срослись* и таким образом появилась *ламя* [Георгиева 1983, 89]. У Н. Герова приводится следующее определение *ламы*: это мифическое *четвероногое животное с головой собаки и змеиным хвостом, покрытое чешуей, живущее в пещерах и в воде*. По народным преданиям, *ламя* является *хозяином озер и водоемов, она охраняет*

свои “владения” и причиняет большие неприятности людям [III, 4]. О лапе см. также [Юсим 1982, 36]¹.

Болг. лама ‘змея, който яде хора’ трактуется как заимствование из др.-греч. λάμια, λαΐα ‘гигантская рыба, змея’; греческое слово прямо или опосредствованно было заимствовано также в целый ряд европейских языков [БЕТ 1986]. Авторы статьи о лама в этом словаре к заимствованиям такого рода причисляют и лит. *laĩmė* ‘мифологическое существо женского рода, обычно вредящее людям’ (по функциям близка русалке в русском фольклоре).

Этимология лит. *laĩmė*, согласно Френкелю [LEW], является неясной. При этом обращает на себя внимание то, что в литовских говорах, наряду с широко распространенным словом *laĩmė*, а также *laĩmės juostas* ‘радуга’ зафиксировано и *lomė̃s juostas* ‘радуга’ [LKŽ VII]. Аналогично *laĩmė* ~ **lomė̃* соотносятся лит. *daubà* ‘склон, обрыв, провал; дыра, нора и под.’ и *dobà* ‘яма под навесом для сушки льна’ [LKŽ II]; при этом *dobà* является редким вариантом более распространенной формы *duobė̃* [там же]; этимологию этих слов см. в [LEW] в статьях *dóbtì*, *dùgnas*. В контексте рассматриваемой тематики этимологическая тождественность болг. лама и лит. **lomė̃* представляется очень важной, как значительным кажется и то, что радуга, согласно славянским поверьям [Толстой 1997, 190–191], и *laĩmės juostas* — литовским, черпает воду из естественных источников и колодцев. О лит. *laĩmė* см. также [Kerbelytė 1995].

В отличие от болгарских преданий об озерах, где животные приобретают отрицательную функцию, нанося явный вред людям, в литовских преданиях об озерах эти существа являющиеся воплощением озер, выполняют положительную функцию. Во многих литовских преданиях об озерах говорится о том, что перед тем, как озеро *приходит в форме облака*, появляются различные герои: а) зооморфные — бык, свинья, реже волк; б) христианизированные герои — немец (дьявол), старец, голос (Бог); в) незнакомые люди — русские (*burliokai*), колдуны, которые могут привести озеро (тексты см. [Kerbelytė 1965; 1983; Vėlius 1995]). Во всех случаях герои выполняют функцию посланца и являются одним из воплощений озера.

Можно полагать, что варианты преданий с участием зооморфных героев отражают очень архаичные представления. А.Н. Афанасьев, например, писал, что, согласно одному из древнейших и наиболее распространенных верований, дождевые облака являются быками и дойными коровами Индры, а дождь — молоком, ниспадающим на землю в то время, когда бог-громовик разит их своими молниеносными стрелами [1995, 335–393].

Не менее значительную роль в преданиях индоевропейских народов играет также свинья. Как животное, которое роет землю, она явилась символом плуга, бороздящего нивы, а как животное необыкновенно плодовитое, свинья находится в тесной связи с верованием о благодарных небесных стадах, которые дарят земле плодородие. Волк же часто является символом темной тучи. Верили, что он съедает небесные светила и что в своем чреве хранит живую дождевую воду, с которой связаны понятия силы, здоровья и красоты [там же].

Не исключено, что отзвуки этих древних представлений и верований и отражены в литовских и болгарских преданиях об озерах, причем в болгарском фольклоре сохранились, видимо, лишь далекие отзвуки этих представлений. При этом не совсем понятно, почему в болгарском фольклоре первым и основным воплощением озера является именно *хозяин-змея*, а *бык* — только одним из ее ипостасей. Образ свиньи в болгарской мифологии не развит; что касается волка, то в болгарском фольклоре это животное встречается по преимуществу в пастушеских песнях и в дуалистических легендах, где его создание приписывается дьяволу [Георгиева 1993, 48–67].

Несомненное структурное подобие литовских и болгарских преданий об озерах, а также схождения в их терминологии наводит на мысль о возможности их дальнейшего сравнительного этнолингвистического изучения, которое, как кажется, поможет выявить некоторые новые балто-славянские мифологические параллели и пролить дополнительный свет на балто-балканские лексические и мифологические связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К сожалению, после того, когда данная работа уже была сдана в печать, была опубликована работа Л. Раденкович [1998], посвященная проблеме *водного быка* в фольклоре южных славян.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.Н., 1995: *Поэтические воззрения славян на природу*, т. 1. Москва. Вековно наследство 1978 = *Вековно наследство. Българско народно поетическо творчество*: Отбор и характеристика, т. III. София.
БЕТ 1986 = *Български етимологичен речник*, т. III. София.
БНТ XI = *Българско народно творчество*, т. XI. София, 1963.
Георгиева Ив., 1993: *Българска народна митология*. София.
Геров Н.: *Речник на българския език*, фототипно издание, т. III. София, 1977.
Динеков П., 1983: *Българска народна поезия и проза*, т. VII. София.

- Раденкович Л., 1998: *Водяной бык* в преданиях балканских славян, in Николаева Т.М. (ред.), *ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*. Москва, 439–446.
- Романска Цв., 1963: Българските народни исторически предания, in *Българско народно творчество*, т. XI. София, 5–46.
- СНУ XIV = *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, кн. 14. 1889.
- Стойнев А., 1988: *Българските славяни. Митология и религия*. София.
- Толстой Н.И., 1997: Из географии славянских слов. 8. 'Радуга', in *Избранные труды*, т. 1: *Славянская лексикология и семасиология*. Москва, 168–216.
- Юсим М.А., 1982: Ламия, in *Мифы народов мира*, т. 2. Москва, 36.
- LEW = Fraenkel E., *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg–Göttingen. (Indogermanische Bibliothek. Reihe 2. Wörterbücher.)
- Kerbelytė B., 1965: *Lietuvių liaudies padavimai*: Filologijos mokslų kandidato laipsnio disertacija. Vilnius.
- Kerbelytė B., 1973: *Lietuvių liaudies padavimų katalogas*. Vilnius.
- Kerbelytė B., 1983: *Kai milžinai gyveno*: Padavimai apie miestus, ežerus, kalnus, akmenis. Vilnius.
- Kerbelytė B., 1995: Morė — deivė — laumė, in Vėlius N. (red.), *Lietuvinių žodis*. Kaunas, 419–426.
- LKŽ = *Lietuvių kalbos žodynas*, t. 1–. Vilnius, 1941–.
- Vėlius N., 1995: *Ežeras ant milžino delno*: Lietuvių liaudies padavimai. Vilnius.